

Яна Дубинянская

Н₂О

Яна Дубинянская

H2O

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубинянская Я. Ю.

Н2О / Я. Ю. Дубинянская — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Это книга о свободе. Одному, чтобы стать свободным, достаточно дома у холодного моря, банковского счета, далекого работодателя и женщины, которая ничего не требует. Другому необходима власть — реальная, экономическая, абсолютная. А у третьего рушится мир под ногами: либо свобода, либо вся остальная жизнь. Хотя мир, где стремление к свободе является одной из базовых основ, и так, скорее всего, обрушится. Свободу можно окрасить в определенный цвет. Взять в кавычки и сделать брендом. А можно попытаться вывести ее формулу. Самую простую. Н2О.

© Дубинянская Я. Ю.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая. Отшельник	5
Глава I	5
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Яна Дубинянская

Н₂О

Часть первая. Отшельник

Глава I

По гальке вилась полоса из черных сухих водорослей, крабьих клешней, окурков, разноцветных бутылочных крышек и прочего мусора, отмечая линию прилива. Но море было чистым. Почти неподвижное, прозрачно-зеленое и холодное до рези в глазах.

Здесь я буду бегать по утрам, решил Олег. В любую погоду. И отжиматься на гальке. Купаться – вряд ли, не до такой степени все запущено. Никогда я не был склонен к экстравагантным демаршам в интересах здоровья, да и чего бы то ни было, – но после сорока ты либо отжимаешься на свежем воздухе по утрам, либо постепенно превращаешься в дряблую развалину. Было бы обидно – особенно теперь.

Осмотрелся по сторонам: слева направо, затем справа налево, медленно, без рывков, словно снимал панораму на видеокамеру. Скалы, сосны, холмы. Горы – далеко, еле намечены голубоватыми силуэтами, немного туману, и они совсем исчезнут. Море. Ледяное, синее у горизонта, изумрудное ближе к берегу. Цвета будут варьироваться в зависимости от освещения и ветра. Я увижу все варианты. Я буду наблюдать данный пейзаж изо дня в день, и меня это устраивает.

А снега почему-то не было. Странно, Олег не сомневался, что будет снег.

Он докурил, уронил окурочек под ноги. Скривился, присел на корточки и поднял, пока взгляд еще вычленил собственный окурочек из множества других, перемешанных с водорослями и дохлыми рыбешками. Отнес к мусорному контейнеру на краю пляжа и просунул в ржавую щель вместе с едва початой пачкой «Кэмела». Любые решения надо принимать легко, быстро и бесповоротно, это упрощает жизнь.

На пляж выбежала большая собака, лохматая, кавказец. Принялась носиться туда-сюда вдоль кромки моря, но к воде не совалась. Хозяин, маленький стройный старичок в кепке, искоса наблюдал за Олегом. Первое время все они будут наблюдать, самые любопытные и коммуникабельные попытаются пойти на контакт. Потом привыкнут и отстанут.

На скале справа, в стороне от поселка, сосны росли наискось, все под одним и тем же углом, словно линии в ученической тетрадке. Среди них нелогично прямо торчала белая беседка или ротонда. Интересно, что оно такое. Как-нибудь схожу на разведку. А сейчас, – он глянул на часы, – пора возвращаться. Рабочие здесь вряд ли пунктуальны, как, впрочем, и везде, но все-таки лучше, чтобы они застали меня на месте.

Обернулся через плечо. Черт возьми, где же оно – ощущение момента, начала, новизны, точки отсчета?! Ерунда. Я всегда здесь жил. Ну, может быть, в порядке уступки, уезжал куда-нибудь ненадолго.

Я вернулся домой.

* * *

Формально, по адресу, дом относился к узкой улочке, карабкающейся от моря вверх по склону, однако реально стоял на отшибе, одноэтажный с той стороны, где его подпирала

небольшая возвышенность, и двухэтажный с противоположной, обращенной к морю. Между ним и морем торчал только ряд старых, давно пустующих гаражей, шиферные крыши которых, если смотреть со второго этажа, не скрывали ни кусочка горизонта.

Пару месяцев назад в прессе раздули очередной скандал: ученые с цифрами в зубах доказали, что в результате необратимых изменений техногенного характера – бла-бла-бла – море начало наступать на берег ускоренными темпами и через сто лет вся прибрежная полоса в регионе очутится под водой. Цены на недвижимость, и без того невысокие в северном рыбацьем поселке, упали почти на порядок.

Олег не собирался жить еще сто лет.

Рабочие, как ни странно, уже пришли, на двадцать минут раньше назначенного времени, словно девушка на первое свидание. По-видимому, с клиентурой тут негусто. Четверо одинаковых мордатых мужиков и совсем молодой парень топтались на крыльце, возле висящей на одной петле двери, поскрипывавшей в такт небольшому ветру с моря. Курили, переговаривались между собой, а завидев Олега, умолкли и синхронно повернули головы в сторону чудака, который зачем-то купил эту развалину и к тому же хочет сделать в ней ремонт.

– Кто старший? – не здороваясь, спросил Олег.

Один из мужиков спустился ступенькой ниже:

– Ну, я.

– Как зовут?

– Петрас.

– Вы уже осмотрели дом?

Разумеется, осмотрели. Было бы нелогично, если б эти ребята стали щепетильничать, дожидаясь хозяина. Тем более что наружная дверь нараспашку, а внутри вообще нет никаких дверей. На сайте агентства висела фотография дома как минимум пятилетней давности, когда здесь еще жили люди: окошки, занавесочки, цветы. Впрочем, иллюзий на сей счет Олег не питал, и развеиваться по приезду было нечему.

– Что, по-вашему, здесь нужно сделать?

Петрас начал перечислять, загибая короткие заскорузлые пальцы: Олег согласно кивал. Все правильно, ничего лишнего, толковый мужик. Вот только цену, скорее всего, заломит втрое выше, чем платят за ремонт в этих краях. С наивных эксцентричных чужаков всегда дерут втрое.

Я, конечно, чужак. Но не эксцентричный и не наивный. Не лох, чтоб вам было понятнее.

– Да. И еще провести кабель для сети, он мне нужен в первую очередь, как минимум через три дня. На все работы, включая косметiku, у вас две недели. Сколько это будет стоить, не считая материалов?

Мордатый Петрас переглянулся с товарищами и, запнувшись, назвал сумму. Олег поморщился:

– Нет.

Он не торговался. Просто назвал другую цифру, и оспаривать ее было бесполезно. Работяги и не стали пробовать, понятливые, бывалые ребята.

– Петрас, идемте определимся по материалам. Остальные свободны. Приступаете завтра в восемь утра.

Пока рабочий производил замеры, ползая с рулеткой вдоль плинтусов, Олег взбежал на второй этаж. Деревянная лестница отозвалась под ногами целой симфонией скрипов и стонов. В пустой комнате гуляли сквозняки, постукивая рамами без стекол, остатки обоев на стенах закручивались кокетливыми завитками. Торцовое окно выходило на улицу, давая возможность рассмотреть угол чужого дома и собачью будку во дворе (кавказец? – вряд ли, маловата), зато в обоих окнах на фасаде был тот же самый пейзаж, который открывался с пляжа, разве

что не такая широкая панорама. Как только их застеклят, установлю здесь компьютер, решил Олег. И буду видеть море. За работой. В перерывах между работой. Всегда.

В узком коридорчике висело зеркало, мутное и запыленное, отразившее невысокий силуэт с квадратными плечами и коротко стриженной серой головой. Лучший способ рано поседеть – стричься покороче, говорила одна знакомая с длинной косой; косу он помнил, а вот имя – нет, хорошо, что и не надо. Возле зеркала на стене сохранились несколько драных репродукций, а под самым потолком торчал соломенный домик с фигуркой кота в окошке и гнездышком на крыше. Олег усмехнулся: трогательно, хоть и совершенно бесполезно. Да и работяги все равно отдерут.

Напротив располагались кухня и санузел. В этой части дома этаж был первым, вид из окон не впечатлял, а входная дверь оказалась наглухо заколоченной. Напрасно, пожалуй, будет гораздо удобнее пользоваться именно этим выходом. Внизу мне, если разобраться, вообще нечего делать. Что там – гостиная? Я же не собираюсь принимать гостей.

– Хозяин! – кликнул снизу Петрас.

* * *

Через полчаса, утвердив смету и сделав по телефону заказ на материалы, Олег поехал в город. Дорога была очень плохая, он заметил еще в первый раз, когда ездил покупать дом: двести лет не отремонтированная, попорченная оползнями, тряская, местами по-настоящему опасная. Она петляла вдоль побережья, море то показывалось во всей широте, то скрывалось за холмами и скалами, то просвечивало фрагментарно между частокотом сосновых стволов. В одном месте вдруг резко вильнула в сторону, сделала круг почти на пятнадцать километров и вернулась к морю километрах в трех от исходного поворота. Чьи-то частные владения? Любопытно, хотя не сказать чтобы очень. Постепенно все выяснится само собой.

Приближаясь к черте города, шоссе пошло вверх; Олег не свернул вовремя, пропустив въезд, и теперь город лежал внизу, разбросанный по склону, и казался отсюда неприятно большим. Впрочем, большой (сравнительно) город в поле досягаемости – это хорошо. Я, собственно, так и планировал. Медицина, техобслуживание, банк, супермаркет. Город – функциональный атрибут нормальной жизни, единственное, что держать его надо хоть и под рукой, но не на своей территории. Не позволяя ему как-то влиять на нее, жизнь, и уж тем более подменять ее собой.

По городу пришлось поплутать: его застройка оказалась путаной, нелогичной, а спрашивать дорогу не хотелось. В конце концов Олег вырулил к рыбзаводу, помпезному красному зданию со специфическим амбрэ, родственным скорее неисправной технике, чем морю. Над входом торчал огромный жестяной силуэт меч-рыбы с высоким парусным плавником, поскрипывая на ветру, словно флюгер. Под рыбой фотографировались навтыжку трое узкоглазых коротышек при костюмах, их дипломаты и куртки сгрудились на земле возле фотографа. Доулыбавшись, коротышки рассыпались, схватили вещи и двинулись в сторону приземистого здания неподалеку. Гостиница, решил Олег.

– Свободен только люкс, – мрачно сообщила регистраторша.

Олег пожал плечами:

– Давайте люкс. И машину поставить.

Расписался, взял ключ; не поднимаясь в номер, отогнал машину на гостиничную стоянку и зашагал по улице. Холодало. Усиливался ветер с моря вперемешку с мелкой изморосью. Надо бы зайти куда-нибудь согреться, выпить кофе, да, пожалуй, пора и всерьез перекусить. Но сначала все-таки в банк. Обустройство новой жизни логично начинать с обустройства денег. Ты можешь относиться к деньгам снисходительно и даже с легким презрением, но без них тебя бы здесь не было, – а значит, они имеют право на какой-никакой приоритет.

Нужный банк он отыскал быстро, хотя его местный филиал оказался совсем скромным: два маленьких зала один над другим, соединенные узкой, двоим не разойтись, металлической лестницей. Ни единого клиента. Четыре девушки, неотличимые друг от друга в сине-белых форменных жакетах и шапочках, томились в своих аквариумах, по-рыбы грустно глядя в стекло.

– Я хочу переоформить депозит, – он просунул паспорт и реквизиты в ближайшее окно. – Проценты раз в квартал. Открыть текущий валютный счет. И...

– Подождите, пожалуйста, не все сразу. Сначала депозит... сейчас. Вы снимаете какую-то сумму?

– Нет.

Олег поморщился. Банк – это механизм, или, вернее, многоступенчатая компьютерная программа, и работать он должен соответственно: безлико и бесперебойно. Но так оно в идеале, а в реальности всегда, где бы то ни было, – сплошные накладки, сбои, человеческий фактор. Тотальный непрофессионализм. Ладно, один-то раз пережить можно. Дальше я буду иметь дело только с банкоматом.

– Ознакомьтесь с договором.

Он взял листок из наманикюренных пальцев, прочитал, вернул:

– Почему восемь процентов? Было девять.

– У нас изменились... Ой, извините. Постоянным клиентам переоформляем на прежних условиях. Подождите, пожалуйста.

Допустим. Сегодня я могу позволить себе и подождать.

– Вот, распишитесь. Что, вы говорили, еще?

– Валютный текущий счет, – терпеливо повторил Олег. – Слушайте внимательно: два раза в месяц, первого и пятнадцатого, на него будут поступать деньги. Раз в месяц, первого, вы будете переводить такую сумму на вот этот счет, – он вручил ухоженным пальчикам еще одну бумагу. – Вы меня поняли?

– Да-да, конечно. Сейчас. Возьмите. Уплатите в кассу.

Он уже спускался по лесенке, когда в спину теннисным мячиком стукнул девичий голос:

– И завтра тоже?

– Что? – он не стал оборачиваться.

– Переводить деньги. Завтра первое число.

– Разумеется.

Когда он вышел на улицу, уже темнело. Ничего удивительного, еще пару сотен километров на север – и вообще попадаешь в полярную ночь. Однако завтра первое; н-да. Правильно, февраль. Всего двадцать восемь дней, а я рассчитывал на тридцать – тридцать один, как в нормальном месяце. Значит, отпуск заканчивается уже сегодня: не уложился, придется просить еще пару дней за свой счет, пока в дом не проведут кабель. Нехорошо начинать новую, продуманную и просчитанную до деталей, оптимальную жизнь – с мелкой просьбы работодателю, главное достоинство которого и заключается в полном его отсутствии в твоей жизни как-то иначе, нежели в рабочем и денежном эквиваленте. Не стоит.

Поискать приличное интернет-кафе, где можно будет посидеть день-другой. Подвезу рабочую машину, и пускай весь персонал сбегается любоваться, как я буду ее устанавливать. Многовато мороки, но, опять-таки, один раз вполне можно пережить.

Впереди слепил неоновыми огнями гипермаркет. Олег притормозил: действительно, к чему откладывать на потом, да и рабочих должно подстегнуть, чтобы не затягивали с ремонтом. Пружинистым шагом прошелся по мебельным и техническим секциям: холодильник, плита, электрокамин, компьютерный стол, обеденный стол, два табурета, раскладной диван. Идем дальше: посуда, постель. И, в общем-то, все. Остальное только перегружает жизнь, словно громоздкие примочки – сайт глянцевого знаменитости. Лишнее. Оформить доставку.

А теперь пора, наконец, пообедать: по здешним временным меркам это еще можно с натяжкой назвать обедом. Последовательно отвергнув фаст-фуд при гипермаркете, задымленную забегаловку, дрожашую от кислотной музыки, рыбацкую столовую, пропитанную капустным духом, а затем и ресторан с дешевым шиком и заоблачными ценами, Олег забрел в паб на углу центральной площади.

На стене напротив в полумраке медленно крутилось громадное, от пола до потолка, мельничное колесо. Над головой поскрипывало: запрокинув лицо, он увидел, что под потолком качается еще масса колес: тележных, автомобильных, велосипедных. Догадайся с трех попыток, как называется это заведение, усмехнулся Олег; входя, он не обратил внимания на вывеску. Впрочем, гораздо интереснее, чем тут кормят. Бродить под пронизывающим дождливым ветром уже порядком надоело.

Присел для начала у стойки и широким движением подгрел к себе меню.

– Завтра весна, – сказал бармен, и было непонятно, обращается ли он к Олегу или к кому-нибудь еще. – А снега так и не было. Я имею в виду, настоящего снега.

Олег пожал плечами. Людей в пабе было немного: молчаливая мужская компания под мельничным колесом, парочка у окна да худосочный юноша с ноутбуком на столике. Последний навел на мысль, и Олег с опозданием поддержал разговор:

– Да, в этом году теплая зима. Я, когда ехал сюда, рассчитывал, что будет гораздо холоднее. Скажите, в вашем пабе можно подключиться к сети?

Бармен кивнул на юношу:

– Легко.

– Сколько в час?

– Пятнадцать. Больше трех часов – скидка, двенадцать.

Олег кивнул. Забавно: мне тоже платят двенадцать в час, правда, в другой – на порядок – валюте. Магия чисел, позволяющая без труда подсчитать убытки, вполне в пределах допустимого. Значит, завтра подвезти сюда машину. Прямо к открытию.

– В котором часу вы открываетесь?

– С двух.

Поздновато. Однако оно и к лучшему: с утра не мешало бы проконтролировать рабочих, задать ремонту оптимальный ритм. Все складывается, элементы и детали подгоняются друг к другу четко, словно края пазлов, и даже мимолетные сбои в результате встраиваются в общую картинку. Так и должно быть. Так теперь будет всегда.

Да, и сделать, наконец, заказ:

– Стейк, фри, зеленый салат и... – он пролистнул и захлопнул карту напитков. – Что у вас пьют?

– Берите пиво. Темное из «Колеса». В нашем городе так и говорят – «темное из «Колеса»». И ничего не нужно добавлять.

– Хорошо. Давайте.

Он присел за столик, над которым покачивалось велосипедное колесо диаметром больше столешницы – похоже, той модели со старых фотографий, где заднее колесо совсем маленькое, а переднее гипертрофировано донельзя. Или так только кажется из-за необычного ракурса? – редко приходится наблюдать велосипеды у себя над головой. Возможно, колесо как колесо, не сорвалось бы. Тонкие спицы подрагивали, как струны.

Пиво принесли сразу, и оно оказалось действительно хорошим. В ожидании стейка Олег медленно потягивал из толстостенного бокала, разглядывая посетителей. Завтра они будут с куда большим любопытством разглядывать меня, так что все честно и справедливо. Парочка у окна расплатилась и ушла, мужчины под колесом заказали еще пива, а юноша продолжал фанатично отстукивать, судя по всему, мессиджи в какой-то чат: Олег специально пересел на

другой стул, чтобы не отсвечивала картинка на мониторе. Кажется, сеть ходила тут с приличной скоростью.

От входной двери потянуло мимолетным ветром. Вошла девушка. Высокая, симпатичная, рыженькая или шатенка, в полумраке не разобрать. Девушка высматривала столик – и вдруг, заметив Олега, широко улыбнулась.

Разумеется, он видел ее впервые. Даже обернулся проверить, не сидит ли адресат ее улыбки у него за спиной. Стоило уезжать за десятки тысяч километров, чтобы в первом же пабе случайно забредшая туда девушка улыбалась мне, как хорошему и давнему знакомому.

Постояв с полминуты в нерешительности, она двинулась к нему, прямым, словно по заранее рассчитанному курсу. Здесь мало свободных мест?

– Вы позволите?

Если б это прозвучало хоть чуть-чуть завлекательно и развязно, у нее ничего бы не вышло. Вы ошиблись, милая барышня. Вам, по-видимому, за соседний столик.

Но она выговорила эти слова несмело, с заминкой, как студенточка на экзамене, будто в последний момент и вправду засомневалась, настолько ли близко она знакома с этим мужчиной, чтобы... На ее волосах, красновато-каштановых, серебрились мелкие капельки дождя, и на меховом воротнике жакета, подпирающем круглый подбородок – тоже. Вздернутый носик, светлые глаза. Я точно никогда раньше ее не видел. А потому то неприятно-холодное, скользкое, слишком похожее на страх, чтобы классифицироваться как простая брезгливость, – подлечит безжалостному уничтожению, растворению в глотке темного из «Колеса»...

– Нет? – совсем робко переспросила она.

А женщина нужна. В оптимальной, собственноручно отформатированной жизни, которая у него теперь будет всегда – должна быть и женщина.

Улыбнулась в ответ.

(за скобками)

И началась новая жизнь.

Если б его спросили, когда именно, он мог бы совершенно точно ответить, глянув на часы: два часа двадцать пять минут назад. Никто, конечно, не спрашивал, и Женька развлекался для себя: два с половиной часа от начала новой жизни, два сорок и так далее. И, кстати, пятнадцать минут до второй пары. Первую он прогулял, однако новая жизнь того стоила.

Поднимаясь в аудиторию, вспомнил, что сейчас будет семинар по истории, а он, Женька, абсолютно не готов, потому что планировал посидеть в библиотеке как раз сегодня до обеда, перед началом пар – какая к чертям библиотека? – но даже это не сбило с драйва, не испортило искристое шампанское настроение ложкой позорного мандражу. В аудитории уже была Оксана, она всегда приходила первой, но никогда не обращала на него ни малейшего внимания – а сейчас улыбнулась и кивнула. А если б она еще знала?!..

И чтоб вы не сомневались, Женька не попытался втихую отсидеться в заднем ряду, а добровольно вызвался отвечать, чем изрядно удивил молодую семинарскую историчку. Не зная ни единой даты и перевернув имена, он настолько живо и жизненно принялся объяснять, как именно они, герои французской революции, понимали свое «свобода-равенство-братство», что посыпались реплики с мест, образовалась горячая дискуссия, которую аспиранточка не решилась прервать до конца пары, а только слушала с умилением, делая пометки в журнале. В результате Женька заработал первое семинарское «отлично» с начала года. А главное, Оксана поддерживала его позицию, и все слышали, даже мажор Глеб Величко!

На перемене он видел в коридоре ребят: Гию, Олега, близнецов с филологии, а в столовой – и самого Виктора. И все они при встрече не только здоровались с ним, как с равным, как с другом! – но и легонько касались рукой плеча. И никто из непосвященных не понимал, что это означает.

После пар Женька пошел не в общежитие и не в библиотеку, а поехал в центр. Зашел на Главпочтамт, позвонил матери и сказал, что у него все хорошо, а письмо, которое она на днях получит, морально устарело и вообще не считается. Рассказал про «отлично» по истории. И что квартиру ему искать не надо, проблемы в общаге не настолько глобальны, чтоб он не справился с ними своими силами. Уже не только своими, добавил про себя. В новой жизни он больше не был один.

Стемнело, центр расцвечился огнями, словно гигантская новогодняя елка. Женька шел по проспекту, отталкиваясь ногами будто бы и не от асфальта, а от какой-то упругой и пружинистой поверхности, и чуть не подлетал на каждом шагу. Навстречу двигались люди, которые ничего не знали, и даже хуже – были согласны со всем, что происходит! – и он был готов ради них на все. Ради вот этой толстой тетки с кошелками в каждой руке. Ради лысого дядьки в очках. Ради двух ослепительных красавиц, брюнетки и блондинки, в коротеньких шубках и сапожках на высоченных тоненьких каблучках...

А если бы навстречу шла Оксана, он бы не просто поздоровался на ходу, а подошел бы и пригласил на кофе. Вот так просто: подошел бы и пригласил. Единственное, черт его знает, в каком из центральных кафе остатков Женькиной стипендии хватило бы на две чашки?

Придумав себе таким образом занятие, он еще часа с полтора шлялся по проспекту, заглядывая во все заведения подряд, раскрывая у стойки меню, кривясь и удаляясь с независимым видом. Очень даже просто. И дурак он был, когда – месяца три назад, только-только приехав в столицу – с отвращением хлебал горький эспрессо ценой в половину всех его карманных денег потому лишь, что, посмотрев меню, постеснялся развернуться и уйти.

Возвращаться в общагу, если честно, не хотелось. Но было уже поздно, а Виктор назначил сбор завтра на восемь утра. Уже то, что они собирались так рано, на свежую голову, без пива и дешевого вина – только чай! – разительно отличало их встречи от банальных студенческих посиделок за полночь, вечного Женькиного кошмара. Но сегодня он ляжет спать вовремя, что бы ни думали по этому поводу сокамерники, двое мордатых четверокурсников, до сих пор с успехом отравлявших ему жизнь. Прежнюю жизнь.

Они как раз дожевывали домашние вареники из вчерашней посылки Толяна, слушая орущее на всю катушку свое любимое «Радио-шлягер». Увидев соседа, гаденько хмыкнули: того явно ждал сюрприз. Женька сам удивился, насколько мало его это волнует. Прошел на кухню, сварил макароны, перемешал с остатками консервов, поел, вымыл посуду. Принял душ, почистил зубы и отправился спать.

Под одеялом обнаружился нераспечатанный презерватив. Четверокурсники оглушительно загыгикали и подкрутили радио еще громче; странно, Женьке казалось, оно и так на максимуме. Он не чувствовал ни малейшего раздражения или злобы, обычно проистекавших от бессилия. Только брезгливое недоумение. Это ж надо: учиться на четвертом курсе – и

быть до такой степени оторванными от настоящей жизни, развлекаясь всякой фигней?

Он поднял презерватив с кровати, мельком кивнул сокамерникам, спрятал в бумажник. Затем подошел к радиоприемнику, без единого слова выдернул из розетки шнур и тут же, на загаженном универсальном столе, кухонным ножом аккуратно отчекрыжил от провода вилку.

– Мне завтра рано вставать, – пояснил офигевшим Толяну и Костику. – А за кондом спасибо, кажется, неплохой.

Четверокурсники обалдело переглядывались. В принципе, ничто не мешало Костику, владельцу приемника, кинуться на сокамерника с матерным взрывом и даже с тем же ножом наперевес. А раз уж непонятный ступор сорвал мгновенную реакцию, придумать и осуществить какую-нибудь подляну, пока он, мозгляк и малолетка, будет спать.

Но Женька не боялся. Ни капельки. Повернулся на бок, лицом к стене, и почти сразу же заснул при ярком свете, глянув мимоходом на часы.

Новая жизнь продолжалась уже двенадцать часов пятьдесят две минуты.
(за скобками)

Глава II

Запела мобилка. Олег прервался, глянул на определитель номера. Звонили из банка, и было совершенно очевидно: это Дагмар, никаких вопросов, связанных с финансовыми операциями, у нее нет, но она надеется, что я подумаю... Сам виноват. Нечего было сбрасывать ее вчерашний звонок – и на той неделе пару раз, – когда девочка честно пользовалась собственным мобильным. Можно, конечно, сбросить и сейчас, в чисто воспитательных целях, уличая наивную хитрость... а смысл?

– Я слушаю.

– Олег Валентинович, вас беспокоят из шестнадцатого отделения Бизнес-банка, – сказала Дагмар отчетливо и громко, для соседок по аквариуму. – Вы можете сейчас говорить?

В ее голосе дрогнула интонация неуверенной студентки, и Олег улыбнулся:

– Могу, но ведь удобнее будет вечером в «Колесе», правда?

– Как всегда? – ликующе уточнила Дагмар.

– Как всегда.

– Спасибо. Всего доброго. Извините за беспокойство.

Завершив звонок, глянул на часы в углу экрана: н-да. Банк уже открылся, а я только только начинаю пробежку. Так не пойдет, режим надо устаканить. Если ты сам распоряжаешься своим временем, это еще не повод допускать, чтобы время распоряжалось тобой. А оно может. Уж я-то знаю, как никто другой.

Он сунул мобилку в карман и побежал дальше вдоль извилистой линии на гальке, обозначающей прилив. Краем зрения заметил, что на пляже появились Йона с Ульфой – тоже сегодня что-то поздновато. Ульфа, как обычно, побежала исследовать, что новенького вынесло за ночь на берег море. Йона присел на свой любимый валун, предварительно застелив его сложенным вчетверо одеялом, раскурил трубку, налил из маленького термоса крышечку кофе. Поприветствовал Олега тостообразным жестом.

Олег помахал в ответ, развернулся, побежал в обратном направлении. Йона потрясающий старик. За все время их знакомства не задал ни одного вопроса, зато ни один из вопросов пришельца не оставил без ответа. А потому вписывался в оптимальную жизненную концепцию гораздо лучше, чем, скажем, та же Дагмар.

Ульфа метнулась наперерез, взмахнув мохнатым хвостом, подбежала, ткнулась мягкой мордой выше колен. Олег потормошил ее за ушами. Йона раньше предостерегал его от подобных вольностей – все-таки сторожевая собака со всеми положенными инстинктами – но теперь перестал. Улыбался, покуривая трубку и попивая кофе. Старик был неприкрытым гедонистом. И философом.

Олег закончил пробежку, свернул к валуну, присел рядом. Йона традиционно жестом предложил кофе, Олег, как всегда, помотал головой. Указал на темную полосу над горизонтом:

– Погода портится?

– Возможно, даже снег пойдет, – отозвался старик. – Я говорил, зима еще начнется.

– В марте?

– Это не имеет значения. Зима может задержаться, но она должна прийти. Обязательно.

– А весна – нет?

– Весна – бонус. Подарок от компании. Посмотрим.

Море сегодня было сине-серым, свинцовым и беспокойно, подозрительно неподвижным. Только у берега, поодаль, на линии отлива, курчавились небольшие волны в сеточке пены. В ритмичном плеске звучала угрожающая нота, и Ульфа временами отрывивалась, делая стойку и прижимая уши.

– Это правда насчет моря? – спросил Олег. – Будто оно наступает на берег... Вот за то время, Йона, что вы здесь живете, насколько оно приблизилось?

Старик потопал по гальке. Наклонился, поднял камешек, повертел, подбросил на ладони:

– Все это насыпали здесь лет сорок назад. Раньше были только скалы. И море подходило к ним вплотную, гораздо ближе, чем теперь.

– Зачем?

– Пытались сделать из нашего поселка курорт... бывают временами такие безумные проекты. Привозили самосвалами щебенку, насыпали пляж. Тогда еще много рыбы пропало, было что-то такое в этих камнях неправильное, вроде извести... А теперь море потихоньку возвращает свое. Смотрите, как обкатало, – Йона размахнулся и бросил камешек далеко, за линию прибоя, и он еще пару раз подпрыгнул на свинцовой воде. Ульфа рванулась было следом, но в нескольких метрах от воды притормозила, сгребая гальку всеми четырьмя лапами.

– Курорт? – удивился Олег. – Холодно же.

Йона пожал плечами:

– Холодно.

Косые сосны на скале целились в хмурое небо, смутно белела вертикальная беседка. В этой беседке Олег уже несколько раз видел женщину, одну и ту же, она опиралась на парапет и стояла, подавшись вперед под таким же точно углом, что и сосны. Сейчас женщины не было. Между прочим, это ведь именно то место, которое приходится объезжать, делая крюк по шоссе, прикинул он. Любопытно. Йона должен знать.

– Что там такое? – невысоко махнул рукой. – Частные владения?

– Где? – Йона прищурился. – А-а. Там санаторий. Закрытый. Очень дорогой. Не для людей.

– Странно. А в сети никакой информации.

Если б имелась, я бы, наверное, не стал покупать здесь дом, подумал Олег. Одним из первых условий выбора, предварительного, вприкидку, была удаленность от мест богатых и праздных, от караванных путей и точек паломничества текучей отдыхающей публики, обремененной большими деньгами; с небольшими сейчас, слава богу, никто особенно не путешествует. Все равно: если бы здешний санаторий должным образом делал себе рекламу, весь регион отсеялся бы еще на том, приглядечном этапе, и меня бы здесь не было. А ведь, если разобраться, всего-то неудобств – крюк по верхней дороге.

Йона промолчал, верный своему обыкновению не задавать вопросов. Допил кофе и докурил трубку: Олег каждый раз удивлялся, как старику удается заканчивать то и другое одновременно, с точностью до секунды. Поднялся с валуна легким, нестарческим движением и зашагал прочь, свистнув Ульфе и не прощаясь с Олегом. Прощаться с утра в поселке не имело смысла: в течение дня можно пересечься еще не один и не два раза. Стройный старичок и огромная собака удалились вверх по каменистой тропе и свернули на улочку, скрывшись за гаражами. Олег вынул мобилку: других часов у него не было.

Пора бы и поработать.

* * *

Рабочая машина ждала у окна, подмигивая с панели системного блока зеленым огоньком спящего режима. Если не считать момента переезда, заранее оговоренного с заокеанским работодателем, Олег не выключал ее никогда. Они могли войти и забрать нужную информацию, когда им удобно. Он не пытался вычислить и систематизировать их заходы. Его это не касалось.

Прежде чем будить машину, прошел на кухню, поджарил тосты, сварил кофе. Завтракать он привык уже за работой: одно совершенно не мешает другому. Кухня, недавнее место вечных

трапез рабочих и сосредоточения строительного мусора, казалась теперь невероятно пустой и чистой. Олег усмехнулся. Интересно, как долго бесхозьяйственному холостяку удастся поддерживать эту иллюзию. Во всяком случае, джеззу он вымыл и даже вернул на полку. Посмотрим.

Поставил завтрак на стол, по левую руку, подальше от клавиатуры. Сел, легонько пошевелил мышь, и машина проснулась с глубоким музыкальным вздохом. В углу монитора начал отсчет обнуленный таймер.

Обычно Олег работал четыре часа подряд. Потом делал перерыв на обед – и еще четыре, но послеобеденные часы, как правило, чаще дробились на кофе, параллельные дела, просто паузы от усталости и реально занимали часов пять – пять с половиной. Впрочем, он мог позволить себе и большее, распоряжаясь временем так, как считал нужным. В любой момент остановить таймер. В любой момент запустить снова с того же места – и времени.

«Зачем ты отключаешься?» – изумлялась Дагмар. Те несколько вечеров, что пришлось работать в «Колесе», она регулярно прибегала туда после работы, подсаживалась за его столик и сыпала вопросами. Не сказать, чтобы это слишком уж напрягало, однако Олег давно знал, насколько бесполезно пояснять женщинам сущность своей работы. Но Дагмар спрашивала, ей, конечно, казалось, что они таким образом становятся ближе. Она была красива, она ему нравилась и, в общем-то, подходила по большинству параметров, – и он отвечал.

«Потому что нам принесли десерт». – «Разве ты не можешь съесть его, не прерываясь?» – «Съесть могу. Но распробовать как следует бланманже, разговаривать с тобой и работать одновременно уже выше моих сил». – «Я не о том. Неужели нельзя, чтобы оно тикало себе, пока ты...» – «Нельзя». – «Почему?» – «Потому что на работе надо работать». – «Но ведь главное результат, чтобы ты написал как следует программу, или нет?» – «Да». – «Тогда зачем?...»

Она была умненькая девочка. Закончила экономический факультет столичного университета, причем с красным дипломом, ей даже предлагали остаться на кафедре! – Дагмар не без гордости делилась блестящими страницами своей биографии, и становилось понятно, откуда у нее эти интонации студентки-отличницы, вызубрившей все до корки, но все равно неуверенной перед лицом экзаменатора; Олег улыбался. Но потом вернулась в родной город, потому что родители купили ей тут квартиру и давно, еще до поступления, присмотрели место в банке. Конечно, все могло сложиться по-другому, если б она нашла там, в столице, свою судьбу и вышла замуж, но увы... Тут Дагмар лукаво щурила светлые глаза, в каждом из которых отражалось по маленькому колесу. До сих пор она не встретила своего мужчину. До сих пор...

Дагмар умная девочка. Скоро она будет вполне отчетливо представлять себе свое место в моей жизни. Между прочим, далеко не последнее место. Мысль о сегодняшней встрече определенно поднимала настроение.

Возможно, поэтому работалось сегодня хорошо. Олег только раз остановил таймер, отправляясь в туалет и на обратном пути свернув на кухню, чтобы заварить чаю. Программа писалась легко и красиво, и боясь потерять волну этой легкости, накатывавшую далеко не всегда и не сразу, он остался за компьютером дольше обычных утренних часов, практически не глядя на таймер.

Время от времени, когда глаза начинали улавливать легкое мерцание значков и символов – первый признак усталости, сухости и рези под веками он не допускал, – Олег вскидывал голову и смотрел вдаль, поверх края монитора. Море. К обеду оно перестало быть гладко-свинцовым, посинело, покрылось барашками. Если прислушаться, звук шторма доносился и сюда сквозь оконное стекло. Олег привстал и впустил его, распахнув форточку.

Мимолетно глянул в сторону сосен на скале – значит, санаторий. Женщина стояла в беседке, накренившись, как стволы, навстречу шторму. Теперь я кое-что о ней знаю: очень богатая, по-видимому, больная. И, пожалуй, хватит.

Около трех Олег прервался на обед. Почти шесть рабочих часов, неплохо. Прошел на кухню, выбрал в морозильнике котлеты, фаршированные грибами, овощное ассорти, сэндвич

с ветчиной и сыром, поставил размораживаться. Всю сознательную жизнь был равнодушен к кулинарным полуфабрикатам, которые достаточно разогреть или поджарить – и выходит вкуснее, чем способен приготовить и я сам, и бывшие жены, и все женщины, когда-либо пытавшиеся меня кормить. Любим делом должны заниматься профессионалы. К тому же кулинария из супермаркета экономит время. Все-таки время – одна из базовых вещей, которыми человек должен распоряжаться сам.

Когда Олег обедал, в окне звякнуло. Поморщился: первый этаж, и юное поколение поселка до сих пор лелеет надежду увидеть чужака на крыльце орущим и потрясающим кулаками. Когда им, наконец, надоест? Залаяла собака, не Ульфа, дворняга чуть поменьше размерами из будки в соседнем дворе... или нет?

Главное – не реагировать. Вряд ли они действительно разобьют окно: предвидя нечто подобное, на кухню я заказал стекла повышенной прочности. Но без решеток. Мало на свете вещей, которые я ненавидел бы с такой же силой, как решетки на окнах. И вообще любые решетки.

Обстрел не повторился, не то что в первые дни. Олег доел, вымыл посуду, глянул на мобильник – половина четвертого. Если, не затягивая перерыв, закончить работу на сегодня, до встречи с Дагмар останется время побродить по взморью. В шторм. До сих пор тут ни разу не было такого шторма.

Сварил кофе и, держа чашку на весу, вышел в коридор. На стене ровного палевого цвета висело на старом месте новое зеркало. Олег был изумлен, услышав предложение повесить тут зеркало от мордатого Петраса, чей облик никак не вязался с пропагандой дамских штучек. И поначалу отказался: нормальному мужчине вполне достаточно небольшого зеркальца в санузле, – но как-то, выйдя из кабинета, вдруг остановился, со смутной тяжестью глядя в слепую стену.

А уже позже, когда ремонт был окончен, заметил, что рабочие не тронули соломенный домик под потолком. То есть, наверное, снимали, переклеивая обои, но бережно вернули на тот же гвоздь. Возможно, он что-то означает в местном бытовом фольклоре, этот домик. Надо будет спросить у Йоны.

На щеке свербело: порезался утром, бреясь, или, может, прыщик? Притормозив напротив зеркала, Олег развернулся, шагнул ближе...

По безупречной зеркальной поверхности змеилась вертикальная трещина. Росла на глазах в ту и в другую сторону, ветвилась по краям. Не отрывая от нее взгляда, Олег присел на корточки, поставил на пол кофейную чашку.

Когда он вставал, зеркало наконец обрушилось, брызнув из рамы звонким фейерверком осколков.

* * *

– Плохая примета, – сказала Дагмар. – Но ты же в приметы не веришь.

– Не верю.

– Тогда забудь. Купи новое. Хочешь, помогу выбрать?

Ну-ну. Олег усмехнулся. Что-то последнее время любой разговор плавно трансформируется в попытку вылазки на мою территорию. Впрочем, сам виноват. Не надо было вообще ей рассказывать.

– В коридоре? – она хозяйственно задумалась. – А коридор какой? Широкий или узкий? Там большой пролет между дверьми?

Глянула вопросительно, с надеждой. Оставалось только обнять и взъерошить темно-красные волосы надо лбом. Дагмар засмеялась, вырываясь и одновременно пытаясь восстановить прическу, совершенно в этот момент беспомощная, не настолько, как со свеженакрашенными

ногтями, но все-таки. Утвердившись на табурете, Олег одной рукой перехватил ее поудобнее поперек талии...

– Пусти!.. пусти, кому говорю?! Чайник свистит, не слышишь?

– Чайник – это святое, – покорно отозвался он.

Дагмар вскочила с его колен, первым делом метнулась к зеркалу – ее отражение смешно надуло губки, челка быстренько приняла первоначальный вид. Чайник тем временем надрывался свистом, звучным, как паровой гудок. Квартира Дагмар располагалась недалеко от порта, гудки доносились сюда регулярно. Уютная двухкомнатная квартирка, где в идеальном порядке без единой пылинки сосуществовали офисные табуреты и антикварный комод на витых ножках, фарфоровые зверушки и африканские маски, а на стенах висели магазинная металлографика, морской пейзаж маслом и фотографии хозяйки разных возрастов, начиная с голенького младенца.

Олегу нравилась третья слева, пяти-шестилетняя, где Дагмар была рыженькая, пушистая и смотрела задорно, как мультяшный лисенок. Это выражение иногда проклевывалось у нее и теперь, но мгновенными вспышками, и отчетливо его запечатлеть получилось бы разве что на стоп-кадре видеосъемки.

Дагмар побежала на кухню, чайник унялся, пару секунд недовольно пошипев по нисходящей. Олег поднялся и выкатил на середину комнаты журнальный столик на колесиках, накрытый вышитой салфеткой. Дагмар появилась в дверях, смешно отталкивая локтем створку. Поднос в ее руках был, как всегда, сплошь уставлен чайными компонентами на все случаи жизни. Пить чай на кухне она почему-то отказывалась. Неужели тоже бережет от меня свою территорию?

– Сегодня был такой странный клиент, – заговорила, усаживаясь боком на табурет; круглые коленки весело торчали над столиком. – Хотел забрать проценты с депозита, а у самого срок подходит только через месяц. Говорит: а вы за этот месяц не считайте. Я ему про условия договора, а он...

Олег взял в руки горячую чашку. По контрасту пробрал озноб, вспомнился штормовой ветер вперемешку не со снегом, как предсказывал Йона, а с чем-то непонятным, мелким, мокрым, секущим. Удобного заезда к дому Дагмар не было: с одной стороны пешеходная зона, с другой закрытая территория порта, – и он обычно парковал машину на стоянке квартала за три отсюда. Эти три квартала сегодня придется пройти и в обратном направлении. А ехать в такую погоду по скользкой раздолбанной дороге?

И еще пустая рама на слепой стене в коридоре.

Почему оно все-таки разбилось? Предыдущее провисело на том же месте много лет, в отсутствие хозяев, в холоде, при штормовом ветре, гулявшем по дому сквозь выбитые окна... И ладно бы просто грохнуло, сорвавшись с гвоздя. Эта ползущая трещина, словно в блокбастере о мировой катастрофе... черт.

Дагмар щебетала о своем, о банковском; негромко, фоновое, ненавязчиво. Прорвалась в пространство его восприятия зигзагом восходящего тона – вопрос:

– А ты кому переводишь деньги, если не секрет? Жене?

– Сыну, – автоматически отозвался он.

– Ты никогда не рассказывал. Сколько ему лет?

– Я не закрыл форточку в кабинете, – произносимое вслух лучше структурировалось, поддавалось логическому анализу. – Дверь в коридор тоже не закрыл. А мальчишки как раз тогда обстреливали мои окна. На второй этаж попасть труднее, но в принципе, если с крыши гаража...

– Олег!

Надо будет поискать на полу, решил он. Камешек, горошину или чем они там пуляют. Если, конечно, сам же не сгреб сегодня в мусор вместе с осколками.

– Не хочешь говорить – не говори.

Дагмар обиделась. Поставила на столик чашку, положила на блюдце надкушенное пирожное, отвернулась, отодвинулась, спрятала веселые коленки. Олег допил чай, встал и пошел мириться:

– Ну что ты, маленькая...

– Я большая, – буркнула Дагмар.

– Ты же и так все обо мне знаешь. Паспортные данные, номер счета, кодовое слово, размер заработной платы... Ни одна женщина, включая обеих жен, никогда не знала обо мне столько, глупенькая...

– Я умная.

– Ну конечно. Никто не сомневается.

Подошел к ней со спины, провел ладонями по волосам, мимолетно завернул указательными пальцами на лицо, соскользнул по выпуклым скулам под глаза: сухо, вот и хорошо. Дагмар не так уж часто плакала, в чем опять-таки совпадала с образом правильной, оптимальной женщины. Но не стоит забывать, что это всего лишь образ. Всегда приходится делать поправку на реальную жизнь, учитывая и прощая погрешность.

Встала, разворачиваясь ему навстречу. Еще немножко надутая, но уже раскрытая навстречу, еще шмыгнула носом, но уже улыбнулась, уже расстегнула две верхних пуговицы на груди. Вот мелькнуло на миг выражение рыжего мультяшного лисенка – нет, не оно, показалось, но что-то похожее, вполне подходящее, особенно если выключить верхний свет, а пушистый абажур настольной лампы сглаживает все на свете неточности, делает приблизительное оптимальным и правильным...

Зато их тела совпадали идеально, как резьба винта, словно края паззлов. Почти одного роста, и никому не надо опускать или запрокидывать голову – разве что чуть-чуть склонить набок – чтобы встретить другие губы, и грудь к груди, и бедро к бедру, и так удобно расстегивать бюстгальтер на гладкой тугой спине...

До чего же мне с ней хорошо.

До чего досадно, что сегодня еще возвращаться.

(за скобками)

– А здесь мы верстаем наши брошюры, – сказал Виктор. – Это Татьяна Краснова, наш дизайнер. Привет, Таня.

Девчонка за компьютером кивнула, не оборачиваясь. У нее была прикольная прическа: коса обернута вокруг головы, на затылке тонкий кончик косы нырял в ее толстое основание. Еще Женька рассмотрел картинку на мониторе: три ярко-салатовых человечка положили руки друг другу на плечи. Под ними столбиком шел какой-то текст, но девчонка свернула окно и бросила хмуро:

– Не люблю, когда смотрят через плечо.

– Извини, – улыбнулся Виктор. – Идемте, ребята, я вам предыдущий выпуск покажу.

Женька крутил головой туда-сюда, изумляясь, насколько здесь все обыкновенно – и необыкновенно в то же время. Маленькое полуподвальное помещение в ДК. Пыльные жалюзи на окне, скрюченный кактус на полочке, банка кофе и несколько немытых чашек, а еще бумага, куча бумаги в разных видах: пачки, рулоны, распечатки, газеты, проспекты... И то там, то тут – пятна-ростки ярко-салатового цвета. Как надежда. Как свобода. Как жизнь.

– Вот, – Виктор дал им с Олегом в руки по глянцевой брошюре. – Он, конечно, так себе, пилотный... Но все равно действенно. Люди берут, читают.

«Пять шагов к свободе, – прочитал Женька. – Шаг первый: я умею говорить «нет».

Если ты можешь подписаться под этим утверждением, считай, что первый шаг уже сделан. Но действительно ли это так? Среди твоих знакомых наверняка есть масса людей, сказать которым «нет» легче легкого. Постой. А твой преподаватель в вузе? Начальник на работе? Родители? Компания лучших друзей? Любимая девушка?...»

– Вы их в почтовые ящики бросаете? – спросил Олег. – Или прямо на улице раздаете, как сектанты?

Ничего себе! Женька метнул в него гневный взгляд: как можно до такой степени не понимать?! Но Виктор не обиделся, только улыбнулся тепло и весело:

– Нет, на улице и без нас много чего раздают, неэффективно. Мы их оставляем под партами в студенческих аудиториях, в библиотеках, на столиках в кафешках, в метро, в фойе театров... да где угодно. Когда человек решает, брать или не брать ее в руки, читать или не читать, это уже его свободный выбор. Важно, чтобы нас поддерживали именно свободные люди. И чтобы как можно больше людей ощущало себя свободными.

Вверху глянцевої страницы общались два салатových человечка. В разных вариантах, вроде комикса, с пояснением под каждой картинкой. Женька читал:

«Не ставь себе целью говорить «нет» всегда, везде и всем. Тебе могут предлагать разумные вещи, и не соглашаться будет просто глупо. Главное, всегда сначала смотри, что тебе предлагают, и только потом – кто...»

– Классная полиграфия, – сказал Олег. Как Женьке показалось, со странным подтекстом в голосе. Зануда.

– Один из наших ребят грант выиграл, – отозвался Виктор. – Президентский. Мы решили, что если эти деньги пойдут на наше дело, будет только справедливо. И прикольно, – он усмехнулся, и Женька посмеялся тоже.

– А типография?

– Типография подпольная, они обложки для пиратских дисков делают. Естественно, тоже наши ребята.

Наши ребята везде, подумал Женька. Ну, или почти везде, но это пока. А здорово, наверное, когда ты идешь по улице и знаешь, что каждый второй, ну, третий встречный может подойти к тебе и положить руку на плечо. Правда, когда нас и вправду будет так много, станет нереально всем перезнакомиться между собой. Было бы классно придумать какой-нибудь знак, чтобы узнавать даже незнакомых своих. Например, что-нибудь салатовое в одежде... А ничего так идея! Надо будет предложить Виктору.

– А кроме агитации... – начал Олег, но Виктор его перебил:

– Это не агитация. В наших брошюрах нет никаких призывов или лозунгов. Мы просто помогаем людям разобраться в себе. Ставим вопросы, над которыми в обыденной жизни большинство просто не задумывается. Потому людьми так легко управлять, что они бездумно принимают все, что спущено сверху. Мысль о возможности что-нибудь изменить как-то не приходит в голову. Мы должны переломить эту рабскую бессмысленность. Конечно, не сразу, постепенно...

«Если тебе трудно сказать кому-то «нет», потому что у этого человека есть авторитет, влияние, власть, скажи «я подумаю». Возьми тайм-аут, уклонись от ответа, но ни в коем случае не говори «да»...»

– Допустим. И все-таки – напечатали брошюры, а дальше?

– Слушайте, а вы не можете в другом месте трюндеть? – внезапно взвилась девчонка с косой. – Тут люди вообще-то работают!

Она на мгновение обернулась, но ее лица, красного от праведного гнева, Женька все равно не запомнил.

«Шаг второй. Я ничего не боюсь».

– Мы сейчас уйдем, – отозвался Виктор. – Должен Гия подойти, и вместе двинем.

Женька закрыл брошюрку. Ярко-салатовая, она блестела в руках, как молодой клейкий листок, словно кусочек весны.

– Я возьму? – несмело спросил он.

Виктор улыбнулся. Запустил обе руки в надорванную серую коробку под окном, вытащил оттуда целую пачку весенних глянцевых листьев. Разделив напополам, протянул им с Олегом.

И поочередно дотронулся каждому до плеча.

(за скобками)

Глава III

Все утро Олег бродил по побережью. Была суббота, выходной, и вернувшись после завтрака к морю, – Йоны с Ульфой уже не было, сегодня они разминулись, – направился вдоль линии прибоя направо, в сторону косых сосен и скал. В принципе, можно было совершить вылазку и в обратном направлении, маршрут не зависел ровным счетом ни от чего. Просто разведка. Осмотр своих владений.

Шторм последних дней, когда гигантские волны, месиво из водорослей и пены, почти полностью захлестывали пляж, понемногу улегся. Теперь по морю ходили наискось гладкие пологие складки, похожие на спины китов. Только у берега они слегка вздыбливались и плескали пеной: утром из окна все побережье казалось окруженным тонкой жемчужной каймой.

Олег решил идти, не сворачивая и не удаляясь от моря, так долго, как это окажется возможным. Насыпной галечный пляж вскоре кончился, уступив место автентичному каменному месиву. Во всех щелях и кавернах, в том числе и гораздо выше линии прилива, стояла вода. Присев на корточки возле одного такого бассейна, метров двух в диаметре, Олег спугнул нескольких крабов, брызнувших боком в невидимые щели. Вода была настолько ледяная, что казалось странным, как это она не замерзает.

А снег, который пророчил Йона, так и не пошел.

Чем ближе к лесистым скалам, тем крупнее становились камни, они нагромождались друг на друга под разными углами, попадались и вертикальные, остроконечные, какobeliski. На косой гранитной плите соскользнула нога, Олег потерял равновесие и чуть было не съехал в щель, залитую водой. Н-да, сейчас промочить ноги, и экспедицию можно считать оконченной – хорошо, если удастся добраться домой раньше, чем простуда доберется до меня. А нормальные люди, судя по всему, ходят вон по той тропе метрах в двадцати дальше от моря.

Тропа вилась в серо-коричневой прошлогодней траве, взбираясь вверх по склону. Олег взбежал по ней бодро, в один рывок, и только наверху остановился, придирчиво прислушиваясь к себе: дыхание слегка сбилось, но нигде не колет, не режет, не схватывает, порядок. Зашагал дальше вдоль края обрыва. Полоса каменной мешанины внизу постепенно сужалась и в конце концов сошла на нет. Пологие волны накатывались на основание отвесной стены, иногда разбивались небольшим всплеском, иногда просто гасли в камне, не нарушая прозрачности водной толщи. Метров семь-восемь, прикинул Олег высоту обрыва. А кажется, будто прямо у ног.

Мои владения, спокойно, без тени иронии или самолюбования подумал он. В тот момент, когда человек становится по-настоящему свободным, когда выстраивает свою жизнь так, как считает нужным, в его собственность переходит все, что он ни пожелает. Поскольку не станет желать лишнего, но не согласится и довольствоваться малым, забываясь в пчелиную соту сомнительной приватности. Тем более что даже в ней постоянно приходится выдерживать осаду, и обычно сил не хватает надолго.

Море у ног – это в самый раз.

Навстречу начала попадаться сосновая поросль, забавные темно-зеленые мохнатки Олегу по пояс. Любопытно, они тут высеялись сами – или все-таки посадки, чтобы укрепить склон? Йона, по идее, должен знать. Большие сосны нависали над морем уже совсем рядом, их параллельные стволы выглядывали друг из-за друга, словно клавиши огромного накренившегося ксилофона. Беседки отсюда не было видно.

Сосновая мелочь смыкала ряды, толпилась беспорядочно – да нет, они явно дикие, кто бы стал их так сажать? Бодро торчащие лапы деревцев повзрослее лезли в лицо, кололись даже сквозь одежду, и становилось все труднее пробираться вперед, хотя тропинка, усыпан-

ная сухими иглами, отчетливо петляла под ногами. Море скрылось из виду. В воздухе терпко пахло смолой.

И вдруг Олег наткнулся на решетку.

Отступил на шаг, вламываясь спиной в пружинистые колючки. Черт знает что такое. Черт, черт. Я, черт возьми, не согласен. Какого черта она – здесь?!

Решетка уходила вверх метра на два с половиной, черная, чугунная, утыканная острыми копьеобразными наконечниками чуть повыше и чуть пониже, через один. Ни из окна, ни с пляжа она не просматривалась, теряясь в сосновом хаосе. Нет, конечно, я мог догадаться... санаторий для богатых, говорил Йона. Раз уж проложили шоссейную дорогу в обход его территории, было бы странно, если б ее не обнесли по периметру оградой. Все вполне естественно. Никто не виноват, что я так ненавижу решетки.

Изредка касаясь ледяных прутьев, Олег прошелся вдоль нее до самого обрыва. Решетка не кончалась даже здесь, выступая метра на полтора и щетинясь в воздухе в обе стороны. Она продолжалась и внизу, в море, взрезая волны несколькими секциями металлической сетки.

Сволочи. Это же мое море.

Ничего, думал он, пробираясь назад к сосновой тропинке. Не бывает решеток без выломанного прута, подмытого дождями основания или пропущенной секции на месте торчащей скалы. Я здесь живу, и я могу проходить всюду, куда мне захочется – а если не захочется, то не проходить. Но решать я буду сам. Мне глубоко безразличен какой-то там санаторий, но извините, в моей жизни, наконец-то именно такой, какой она должна быть, не предусмотрены ограничения в виде остроконечных решеток.

Я сюда еще вернусь.

* * *

А ближе к вечеру Олег поехал в город с ноутбуком.

До сих пор не решался. Даже смешно.

Если разобраться, смешно было не провести в дом еще одну выделенку, да и принципиально не выходить в сеть с рабочей машины – тоже. Кому я нужен?... это во-первых. А во-вторых, если кому-то и нужен, есть масса иных способов определить мое местонахождение, один безотказнее другого. Ноутбук – это скорее традиция, иллюзорная, как и любая из таковых. Нет, пожалуй, еще проще: привычка. Вроде обыкновения закрывать дверь ванной изнутри на шпингалет, когда бреешься или чистишь зубы.

Ноутбук покачивался на соседнем сиденье, удачно притворяясь обычной барсеткой. В виртуальном пространстве, как и в реальной жизни, тоже необходима своя личная территория, плацдарм, с которого открыто для потенциального владения все. Он знает все мои ники, он хранит мою почту, библиотеку, маршруты избранных ссылок. Он меняет IP чаще, чем кинозвезда – вечерние платья. И, в отличие от рабочего компьютера, никто и никогда не считывает с него оптом всю информацию.

Во всяком случае, хотелось бы верить.

Знакомый бармен из «Колеса» улыбнулся, поднял над сифоном раскрытую ладонь, и Олег поздоровался издали тоже. Люди, которые работали здесь, знали, с кем из постоянных посетителей каждый раз беседовать о погоде, а кому достаточно, чтобы его узнали, точно выполнили заказ и оставили в покое. Дагмар выходные проводила с родителями, так что встретить ее сегодня здесь он тоже не рисковал.

А кроме того, темное из «Колеса» – действительно стоящая штука.

Он присел за столик в углу, далеко от окна и лицом к двери. Усмехнулся: тоже мне, игры в разведчиков, неужели не перерос их еще двадцать с лишним лет назад? С потолка спускалось

колесо от мопеда с тонкими шипами-волосками по краю рубчатой шины. Олег тронул волосок, и от этого минимального движения все колесо закачалось, как маятник.

В сети он не был черт-те сколько – наверное, уже недели три. В почтовый ящик напало около сотни писем: поморщился, повел плечами, прогоняя неприятный холодок, скользнувший вдоль спины, пока ящик загружался. Пробежал глазами столбец и облегченно вздохнул: ничего, кроме спама, технология рассылки которого совершенствуется куда быстрее, чем разработка фильтров. По-настоящему же за все время отсутствия мне никто не написал. Это правильно. Я приложил все усилия к тому, чтобы так было всегда. Очистить.

Затем Олег зашел к Буршову.

У Буршова было хорошо. Все четко и логично, разложено по полочкам, как в любовно подобранной домашней библиотеке. Немного субъективно, чего никак не избежать, однако вкусу Буршова Олег доверял. Много лет он скачивал книги только здесь. Честное слово, и платил бы за это, но художественная литература ушла с рынка сразу после кризиса девятнадцатого, окончательно превратившись в сетевую субкультуру – запутанную, тусовочную, противоречивую. Хорошо, что есть Буршов. Неужели он и вправду читает все, что появляется в сети? Ведь писать после обвала рынка меньше не стали. Лучше или хуже, вопреки всем прогнозам, тоже.

Обновив библиотеку и отметившись в буршовской гостевой, Олег заглянул на «Вольное копье». Вакансий для удаленных программистов по-прежнему хватало, а гордые соискатели по-прежнему не соглашались пошевелиться меньше чем за двадцать монет в час. Вот потому-то у меня всегда будет работа, усмехнулся Олег. Конкретный работодатель – это сегодняшний атрибут жизни, но никак не ее несущая основа, не фактор зависимости. Закладка на «Копье» всегда под рукой, информацию же о стоимости моей профессии на рынке я беру из реальных предложений, а не грандиозных слухов, которыми полнится сеть, благо в затяжной послекризисной тени никакие цифры никому не известны точно. Соглашаясь, исхожу из своих потребностей, а не амбиций. Это просто само по себе. И значительно упрощает жизнь.

Следующие часа полтора он просто гулял по сети в свое удовольствие. Заглянул на несколько форумов, чатов и конференций, где обычно под разными никами общался с разными людьми на очень разные темы: от компьютерного железа до тропических рыбок, блондинок или этики творчества. Дискуссии, помеченные его участием, ушли далеко вперед, и Олег, заказав еще темного, не без удовольствия читал подряд ленты флейма абстрактных, а потому оптимальных для общения людей. Общение на приемлемом уровне – точно такая же потребность, как хорошее пиво. И, пожалуй, только в сети можно удовлетворить ее без побочных эффектов вроде привязанностей, обязательств, обид, если не кое-чего похуже.

Правда, сегодня он ничего никуда не написал. Нигде не зарегистрировался, присутствуя при чужих разговорах безымянным и почти невидимым наблюдателем. Не хотелось. Никаких других мотиваций.

Было уже поздно, «Колесо» наполнилось праздным субботним народом. Группа шумных тинейджеров утащила из-за Олегова стола все стулья и хищно облизывалась на сам столик. Колеса на стенах и потолке крутились и качались, сталкиваясь и поблескивая спицами. Туда-сюда сновали официантки, балансируя круглыми подносами с рубчатыми шинами по краю. Олег перехватил одну, заказал кофе. Пора уходить.

Но сеть так просто не отпускала – на то она и сеть. Особенно после долгой разлуки, признал Олег, водя курсором по рядам баннеров и тагов. Некоторым людям за клики по ним платят деньги. Других ловят на крючок простейших рефлексов. «Дочь премьера назвала имя своего жениха». «Поднятие тарифов в столичном регионе». «Женщина с самой большой грудью протестует (фото)». «Скандал в семье певца Джульбара». «Фатальные изменения климата – результат...»

Клик. Впрочем, кофе еще не принесли.

Информационный портал раскинулся завлекательно и броско, словно порочная женщина на ярком покрывале. Мир доказывал: то, что в нем делается, не может не интересоваться, не возбуждать, не вызывать желания приобщиться. Тебя, сидящего за монитором, непосредственно касаются семейные проблемы черноглазого мальчика с микрофоном, гигантские буфера орущей блондинки, разноцветные графики с ползущей вверх ломаной линией, катастрофа самолета, драка в парламенте, наводнение по ту сторону экватора, статистика жертв чужой войны, пятиметровый шлейф, тянущийся за чьей-то невестой...

Бессмыслица. Человеку принадлежит лишь его собственная жизнь, и только она имеет значение и цену. Самое нелепое из людских побуждений – пытаться выйти за ее пределы, как-то повлиять, что-либо изменить в другой, не-своей, внешней жизни. А еще нелепее – сознавая, что повлиять невозможно и не стоит, все-таки подглядывать.

Он пробежал наискось несколько статей. О климате: отголоски все того же старого скандала с глобальным потеплением и наступающим морем. О политике: главными новостями были замужество страшенькой дочки премьера и сломанная в драке челюсть первого зама столичного мэра. Насколько Олег помнил, последний раз, когда он интересовался происходящим в мире, масс-медиа обсуждали фасон жакета президентской пресс-секретарши и бывшую тайную любовницу генпрокурора.

А если разобраться, так оно и честнее. Никакой политики на самом деле нет, это всего лишь элемент медийного пространства, точно такой же, как светская хроника или шоу-бизнес. Реальные процессы, управляющие миром, лежат в сфере экономики, которая после девятнадцатого тотально ушла в тень, а с ней исчезла и серьезная журналистская аналитика. Но дело даже не в этом. Политики и не существовало никогда. А нам казалось, будто она есть, и то была самая страшная из наших иллюзий...

Впрочем, это было давно.

Тинейджеры по соседству галдели все голосистее, к их компании присоединилось еще пару человек, категорически не влезавших за столик, даже с учетом рассаженого на колени женского пола. Олегу наконец принесли кофе, и он принялся пить длинными глотками, не растягивая удовольствия. Уже и в самом деле пора. Закрыв пестрое окно портала, однако под ним обнаружилось еще одно, забытая стартовая страница компьютерной конференции. Прощальная уступка объятиям сети: контрольный заход в почту.

Письмо было всего одно, хвала обновленным спам-фильтрам, – подписанное незнакомым женским именем, без темы и аттачей. Разумеется, его следовало убить, не открывая. Олег навел курсор – и письмо самопроизвольно открылось, привет от новой бета-версии, установленной за время его отсутствия.

«Здравствуй. Я соскучилась. Буду тебе иногда писать, хорошо? А ты все тягаешь за уши ни в чем не повинных собак...»

Он и не думал читать.

Просто мелькнуло за пару мгновений до двойного клика на «удалить» и «очистить корзину».

* * *

Ночная дорога катилась под колеса неровным асфальтом в свете фар. Ничего лишнего. Никаких встречных машин, никаких других огней. Меня, наверное, хорошо видно сейчас из моего же окна, подумал Олег: одинокий светлячок, движущийся вдоль линии моря. То есть нет, сейчас не видно, чуть позже, когда обогну санаторий.

Интересно, откуда она узнала мой емейл-адрес? Разве его тоже вносят в банковский договор?... не помню. Переоформить, что ли, счет в другой банке, а потом сменить к чертям и почту, и телефон, и...

Ага. Продать дом и начать новую жизнь где-нибудь еще. Скрываясь от рыженькой девушки с грудью третьего размера и дипломом экономиста. Олег рассмеялся. На дороге высветилось что-то темное – камень, сбитая кошка? – и он крутанул руль, виляя в сторону.

Имя там было какое-то другое, ничего общего с Дагмар Лиивите, но женщины редко пользуются в сети собственным именем, если не считать деловой переписки. Кстати, своего банковского электронного адреса она мне точно не давала, – ну ладно, не точно, однако это запросто проверить, заглянув в адресную книжку в ноутбуке. Да нет, что за ерунда, никогда в банках не дают и не спрашивают ничьих емейлов...

А может, все-таки спам? Одно время всех изрядно смешили подобные рассылки: «Привет, дорогой, звонила, ты не брал трубку, надо увидеться, а вот файл, о котором ты просил...» И приаттаченный вирус в экзотическом формате. Интересно, велся ли хоть кто-нибудь?

Был ли аттач в том стертом письме, Олег не помнил. И собака; не такой уж банальный штрих, чтобы подойти к любому без исключения адресату. К тому же чужая собака... или там не было, что чужая? Между прочим, Ульф у не очень-то потягаешь за уши, почесать за ними – другое дело...

И еще он не помнил, рассказывал ли Дагмар об Ульфе. Кажется, нет. Дагмар же равнодушна к собакам, у нее даже в детстве щенка не было и не хотелось; на выявлении данного факта собачью тему и прикрыли за ненадобностью, по несовпадению. С несовпадениями только так и следует поступать: прикрывать, маскировать, игнорировать, оставляя на виду и для пользования лишь те вещи, которые оптимально дополняют друг друга... Но я отвлекся.

Это не она.

А кто?!

Объездная петля закончилась, дорога опять вышла к морю. Поселок группировался между скал кучкой квелих огоньков, самые прибрежные из которых, дрожа, отражались в воде. Дорога не освещалась никак и, похоже, его машина была единственной на всем видимом отрезке шоссе. Еще пару маленьких звездочек-бакенов в море. И темнота.

А ведь санаторий как раз должен бы сейчас ловиться в зеркало заднего вида, прикинул Олег. Нет, ничего. Ни проблеска света в окне или фонарика на территории. Черным на черном синем угадывались силуэты наклонных сосен, а может, их дорисовывало воображение.

Если б я не вытер письмо, наверное, из него удалось бы что-то вытащить. Возможно, со второго взгляда мне что-нибудь сказала бы ее имя. А если оно у нее другое, она могла подписаться настоящим в самом письме, я же не дочитал. Не исключено, что мессидж вообще заблудился в сети, пришел не по адресу, мало ли кто играет с собаками, почему обязательно Ульфа?... может, сейчас я знал бы точно, если бы прочел до конца.

Он чуть не пропустил поворот на поселок, пришлось тормозить и давать задний ход. На этом участке дорога становилась еще на порядок хуже, сплошные трещины и колдобины, и он почти вдвое снизил скорость, добираясь до более-менее освещенных мест. Впрочем, это мелочи. Куда неприятнее – неизвестная с охотничьим прищуром, наблюдающая издали за моими утренними пробежками наперегонки с косматой Ульфой...

Или все-таки Дагмар? Она же знает мой адрес. Я не приглашаю ее к себе, охраняя личную территорию, и что еще остается бедной девушке, кроме как приезжать тайком и подглядывать издалека?

Ладно. С Дагмар всегда можно поговорить. Объяснить, зашлифовать имеющиеся шероховатости, убрать заусеницы, вылезающие за просчитанные оптимальные рамки. Она поймет. Она из тех женщин, которые и сами хотят быть идеальными, подходить, соответствовать. Можно прямо сейчас позвонить, назначить на завтра в «Колесе»... нет, завтра же воскресенье. На ее воскресенье я не претендую.

Заезд к гаражу после длинного спуска круто поднимался под горку, и каждый раз Олег подумывал о том, что небольшой гололед – и машина не возьмет этого финального препят-

ствия, как я сразу не предусмотрел? Подавляющее большинство гаражей пустовали, после кризиса мало кто остался на колесах, а тем более здесь, в глуши. Можно было выбрать любой; другое дело, хотелось поближе к дому. Поставил машину, вышел, подхватив барсетку-ноутбук, и зашагал по узкой улочке. Каких-то пару десятков метров, удобно.

Перед дверью он остановился, ища ключи. Было темно и тихо, слабая подсветка из-под занавесок соседских окон и приглушенный шум человеческих звуков под гул моря только подчеркивали тьму и тишину. Пустой дом, с этой стороны приземистый, одноэтажный, молча ждал хозяина. Все как всегда, сколько раз уже приходилось возвращаться поздно ночью, гораздо позже...

Свет.

Свет мерцал там, внутри, за кухней, в коридоре или в кабинете – отсюда не разберешь. Не люстра и даже не лампа, а что-то неверное, зыбкое, вроде свечи, ночника или, скажем, работающего монитора. Мелькнула мысль обогнуть дом и посмотреть с другой стороны: а смысл, там оно получится на втором этаже, разглядишь еще меньше... Грабители с фонариком?... вызвать полицию?

Какого черта, это же мой дом!!!

Ключи наконец-то нащупались в кармане, почему-то в левом, почему-то в джинсах, а не в куртке. Вонзил ключ в замочную скважину сильно и точно, как нож под ребро, провернул гладко, без скрипа и скрежета.

Распахнул дверь и увидел темноту.

Спокойную темноту без чужого света или дыхания.

(за скобками)

Навстречу шла Оксана.

В руках у нее был букетик подснежников, сегодня все девчонки ходили с букетиками, одаренные оптом накануне женского праздника. Но в ее руках подснежники были живые, они кивали головками на каждом шагу, как будто соглашались на что-то веселое и хорошее.

Оксана сказала:

– Привет.

Первая!

– Привет, – отозвался Женька. – С наступающим.

Она улыбнулась:

– Спасибо.

Тогда он предложил:

– Пойдем гулять.

И даже не испугался собственной смелости. Она была естественной, как солнце и весенние цветы. «Я ничего не боюсь». Он, Женька, уже сделал не один и не два шага к свободе.

Оксана, конечно, поинтересовалась, куда, но вопрос ее вовсе не поставил его в тупик: следующие минут десять Женька вдохновенно расписывал предстоящий маршрут, причем делал это на ходу – ей и в голову не пришло, что можно не согласиться! Она была уже без шапки, золотистые волосы рассыпались по плечам бирюзового плаща и сверкали, сверкали!.. а подснежники одобрительно кивали в такт.

В парке под деревьями еще лежал снег, но в проталинах пробивалась трава, молодая, свободная, ярко-салатовая. На каждой скамейке целовались. По аллее навстречу прошел Гия, Женьку он не заметил, склонившись над смеющейся девчонкой с салатовой заколкой в черных волосах. Вообще было бы классно встретить кого-нибудь из своих, и чтобы прямо при Оксане

обменяться с друзьями прикосновениями к плечу. А когда она удивится и спросит, загадочно улыбнуться, напустить туману, а потом, возможно, и рассказать...

А так – говорил о кино и книгах, о жизни в общежитии и приколах зимней сессии, о собаках и автомобилях, о компьютерах и древней истории, а Оксана слушала, соглашалась, не соглашалась, перебивала, рассказывала что-то свое. И шла совсем рядом, их руки несколько раз черкнули одна о другую, и было бы, наверное, здорово взяться за руки, хотя кто ее знает, вдруг обидится, а если у него вспотеет ладонь, да и вообще, что они – парочка из детского сада?

Солнце светило сквозь ветви деревьев, и было странно, что они совсем голые, ни почки, ни листка. Птицы звонко орали о чем-то важном, тоже перебивая друг друга.

Женька и Оксана вышли к реке. У берегов стояла темная вода, а посередине громоздились льдины, надвигаясь одна на другую: толстые, белые – и прозрачные, как стекло, сквозь которое просвечивала темная глубина. На мосту Оксана перегнулась через парапет, отпрянула и выдохнула:

– Страшно.

– Не бойся, – сказал Женька.

И наконец протянул руку, коснувшись ее плаща, металлически-гладкого, ускользающего из-под пальцев. Но рука не струсилась, утвердилось на талии – и через металлические складки он ощутил Оксану, живую, близкую. Он всегда знал, что так и будет. Он не сомневался.

Дальше они пошли, обнимаясь, как настоящие влюбленные, вот только ладонь все время скользила по плащу, пока Женька не догадался зацепиться пальцем за петельку для пояса. Мост закончился, за ним уже не было ничего интересного, одни кусты и грязь вперемешку со снегом, и надо было поворачивать – а не хотелось, хотелось идти вперед и вперед, не останавливаясь, до самой цели. Достижимой. Реальной. Он знал.

Оксана замедлила шаги. Остановилась:

– Здесь так тихо...

Птицы кричали, как сумасшедшие. Женька улыбнулся.

– Хорошо, – сказала она. – Тихо и хорошо.

– Весна, – отозвался он.

Не придумал ничего другого. Но ведь это была правда.

– Наша весна, – прошептала Оксана. – Наша. Знаешь, почему? Потому что мы – свободные люди.

От неожиданности Женька даже отпустил ее, в последний момент еле выдернув палец из петли плаща. Отступил на шаг, таращась на Оксану так, будто только что ее увидел. Встретил случайно, и не в институтском дворе – а здесь, за мостом, на краю города и весны.

Она засмеялась, по-девчоночьи спрятав лицо в букетик подснежников. Женька заметил вдруг, какие у них длинные ножки – ярко-салатового цвета.

Оксана с улыбкой шагнула к нему. Положила руку на его плечо. Потом другую, с подснежниками.

И закрыла глаза.

(за скобками)

Глава IV

У автомобиля были порезаны шины. Все четыре. Порезаны на совесть, параллельными полосами, отвисавшими, как толстые черные языки.

Убью гадов.

Подумалось скучно, вяло, без особенной злости. Олег еще раз обошел машину кругом, внимательно осмотрел со всех сторон. Вроде бы ничего больше не тронули. Короткое слово пальцем на капоте – не в счет. Хорошо, что не догадались чем-нибудь поострее. Сам виноват: накануне заглох на подъеме в гараж и, поленившись копаться в двигателе, оставил автомобиль на площадке перед домом...

Наглеют. Наверное, надо было как-то отреагировать на стрельбу по окнам.

Он как раз собирался проехаться в город за продуктами. Кончился хлеб, сыр, зелень, сметана и еще много чего не то чтобы жизненно необходимого, но все-таки желательного для нормальной жизни. Туда-обратно, в перерыве между утренним и послеобеденным блоками работы. И еще надеялся поразмыслить по дороге: за рулем хорошо думается, может, и удалось бы поймать ее на расстоянии, ту ошибку, недоработку, из-за которой программа не оживает, хотя, казалось бы, все элементы...

Идиоты. Какие же идиоты.

Вызвонить городской автосервис долго не удавалось, что само по себе было как минимум странно. В конце концов дозвонился, заказ приняли на послезавтра. Хотелось бы знать, кто их настолько загружает, в третьеразрядном городе, живущем за счет рыбзавода с неликвидной продукцией. Тоже идиоты.

Сунув мобилку в карман, Олег зашагал вверх по узкой улочке. Лавка, где заготавливался весь поселок, располагалась в его условном центре, напротив церкви, по соседству с клубом и общественной приемной старосты. Ни в одном из центров местной светской жизни Олег ни разу не был. Встраиваться в локальный социум – безразлично, в каком качестве – было бы откровенной глупостью. Социумов с меня хватит.

Улочка вырвалась на условную площадь, мощеную неубедительными островками перед церковью и клубом, а в основном грунтовую, пока смерзшуюся, но можно себе представить, как непролазно здесь будет весной. Ладно. Послезавтра мне поставят новые шины.

На неприметном сером здании церкви странноватым огненным глазом горело из-под карниза витражное окно. И не какой-нибудь там святой или символ, а многофигурная композиция апокалиптических мотивов. Каким-то образом окну удавалось ловить лучи полуденного солнца, пылая особенно зловеще, – а может, там подсветка изнутри. Спросить у Йоны.

Йону, кстати, Олег уже почти неделю не видел.

Он пересек площадь и вошел в лавку. После яркого дня здесь было совсем темно, перед глазами прыгал светящийся круг витража. В нос шибануло копченой и свежей рыбой. Что ее продают в рыбацьем поселке, понятно: но, с другой стороны, кто ее здесь покупает?

– Чего надо? – осведомился из темноты бабий голос.

– Здравствуйте, – сказал Олег.

– Я спрашиваю, чего надо?

В полумраке образовался ее силуэт в форме обтекаемого квадрата. Ничего, один раз пережить можно.

– Хлеб, – терпеливо начал он, – сметану, сыр... какой-нибудь зелени, укропа, например...

– Ишь чего.

– Что? – не понял Олег.

– Укропа ему, – расхохоталась бабища, и ей завторили еще как минимум три-четыре разнотембровых смеха; а ведь сразу показалось, что я в лавке один. Ну допустим, укропа у

них нет и не бывает, возможно, такой заказ по местным меркам и смешон, но уж хлеба-то мне продадут?!

Глаза привыкали к темноте постепенно, медленнее, чем хотелось бы. Какие-то бутылки и банки на полках. Рыбные ожерелья вдоль стен, как елочные гирлянды. В раскрытых ящиках рядами справа и слева от прилавка бугрилось невыясненное содержимое. Олег опустил кончики пальцев в ближайший ящик: вроде бы крупа... или мелкая фасоль?

– Руки! – рявкнула продавщица.

– Я не воровать пришел, – огрызнулся Олег. – Я хочу купить у вас... хлеба, если можно.

– Им все можно, – бросил кто-то за спиной.

– Точно-точно, – согласился другой голос. – Понаехали.

– Скупают нашу землю.

– На машинах гоняют.

– Дурью маются.

– Психи.

Он по-прежнему не различал лиц, только фигуры, безликие, серые. Голоса переговаривались лениво, в них даже не было настоящей агрессии, так, тупое и почти безадресное недовольство. Из которого, между прочим, при желании можно вылепить все, что угодно, – но при чем тут я? И почему во множественном числе? Разве я здесь не один такой... псих?

Правильнее всего было бы развернуться и уйти. Прожить до послезавтра без сметаны и хлеба: в конце концов, там еще полный холодильник разнообразной кулинарии. Но какого черта?!..

Он шагнул вперед, вплотную к прилавку. Разглядел белую наколку и золотые серьги по обе стороны от квадратных складчатых щек. Пошире расставил руки и, нависнув, произнес на низких, беспощадных частотах:

– Буханку хлеба. Одну. Немедленно.

– Лотта, – дополнил негромкой просьбой еще один голос. До того не звучавший. Из-за спины.

Олег обернулся:

– Йона?

* * *

– Не принимайте близко к сердцу, – сказал Йона. – У Лотты в прошлом году утонул сын. А муж – давно уже, лет десять назад...

– Ничего, – откликнулся Олег. – Спасибо.

Буханка хлеба не помещалась в пальцах, нести ее было неудобно. Разбалован супермаркетовскими пакетами, усмехнулся Олег. Попробовал пристроить под мышкой, пачкая куртку в мелкой муке. Так еще хуже.

Йона шел рядом, сухонький и стройный, непривычный без Ульфы.

– Вы должны понять, – негромко произнес он. – Здесь не любят чужих.

– Нигде не любят чужих.

– А стать своим вы не хотите, правда?

– Своим я уже был. Давно.

Дорога круто спускалась вниз, и над крышами было видно море, выпуклое, как линза. На горизонте торчал корабль, то ли траулер, то ли патрульный, раньше его не было. Олег опустил взгляд ниже, поискал крышу своего дома, отсюда уже должно быть видно, – не нашел. По спине успел пробежать холодок... да нет же, вон. Наваждение какое-то.

– Йона, – решился спросить, – может быть, вы замечали, в мое отсутствие... каких-нибудь людей возле дома? Возможно, женщину?

Старик пожал плечами. Не ответил; пожалуй, впервые за все время, что мы знакомы, он не отвечает на прямо заданный вопрос, с удивлением отметил Олег. Или держит паузу?

– Такое чувство, будто пару дней назад ко мне кто-то залезал, – продолжил по инерции, не собираясь, в общем-то, делиться нелепыми подозрениями и тем более жаловаться. – И шины порезали сегодня ночью.

– Женщина?

Йона не улыбался. Усмехнулся Олег, рвано, нервически:

– Ну, шины, допустим, скорее мальчишки... не знаю. Так вы никого не видели, Йона?

– Я постараюсь впредь быть внимательнее. Странно, что до сих пор нет снега, вам не кажется?

Олег перехватил буханку двумя руками, как мяч для регби. Все-таки у старика пунктик насчет снега, сколько можно! – если, конечно, не уходит от ответа, неловко и топорно, однако уходит. То есть он что-то видел? Кого-то? И, конечно же, принимает сторону этого кого-то, своего, – а я чужак, и напрасно мне казалось, что маленький старичок с большой собакой мне симпатизируют. Чужих нигде не любят.

Я не нуждаюсь, чтобы меня любили.

Но не допущу, чтобы кто-нибудь вторгся в мою жизнь.

Зазвонил телефон: Дагмар. Несколько секунд Олег раздумывал, сбросить ли звонок, и Йона, приподняв раскрытую ладонь к самой кепке, молча кивнул и прибавил шаг. Черт, я бы с ним еще переговорил. Сформулировал бы вопросы настолько конкретно, что деликатный старичок никак не смог бы отмолчаться. Ничего, в другой раз. Непременно.

– Да, я слушаю.

– Привет, – судя по фоновой музыке, Дагмар находилась отнюдь не на работе. – Что ты сейчас делаешь?

Ну да, у нее тоже перерыв; видимо, забежала перекусить в «Колесо».

– То же, что и ты. Намереваюсь пообедать.

– И что у нас сегодня на обед?

– Корочка хлеба, – Олег отломил кусок буханки и принялся жевать. Хлеб был невкусный, липкий и чуть затхлый. – Кстати, получил твое письмо на выходных. Тронут.

– Что?

– Тронут, говорю, твоим вниманием.

Полминуты назад, глядя на определитель номера, он не собирался заводить с ней подобного разговора. Теперь импровизировал, зло пережевывая липкую корку. Если не сознается, откуда у нее мой емейл, возьму и переброшу счета в другой банк.

– Спасибо, – сказала Дагмар. – Внимание к клиенту прежде всего. А вот кто-то обещал сегодня позвонить.

– Кто-то и звонит.

– Это я звоню. Но ты прав, разницы никакой. Так как мы сегодня?...

Дрогнула студенческая интонация в голосе. Отставить, нынче, после всего, меня такими штучками не проймешь. Особенно если... Припомнив реплику Йоны, представил себе Дагмар сидящей на корточках у капота и сосредоточенно разрезающей ножом толстую резину. Рассмеялся вслух.

– Что?

– Я не могу. Машина не на ходу, автосервис будет послезавтра. Спишемся по электронке, хорошо?

– Зачем по электронке?

Действительно, зачем? Зачем разводить нелепые допросы с подвохами, чертов конспиратор, черт, черт!!! Женщина, которую в чем-то подозреваешь, не нужна в принципе. Это история совсем другого жанра, не имеющая отношения к нормальной жизни. Задать вопрос и полу-

чить ответ. Или не получить – и больше никогда не задавать этой женщине никаких вопросов. Так просто.

– Олег?

– Нет, ничего. Созвонимся.

Завершил звонок и ускорил шаги.

По идее, он уже должен был вернуться в исходную точку. Но дом, его собственный дом все не показывался, и снова пробрала та дрожь, как недавно из-за исчезнувшей крыши. Глуposti. Однако дома и в самом деле не было!.. Уже начались гаражи, улочка вильнула к морю. Галька, черные водоросли, холодная стеклянная вода. Вдоль берега бегала Ульфа, периодически приносясь и поводя раскидистым, как страусовый веер, хвостом.

Это какая-то другая улица, сообразил Олег, спускаясь на пляж. Мы с Йоной не туда повернули на выходе из лавки, а я и не заметил, уверенный, что здесь одна дорога. Дом – там. И никого чужого в нем нет и не было, не считая, конечно, меня. Достаточно сильного раздражителя для своих, бедных и злых людей, чтобы швыряться камнями в мои окна, резать мою машину или отказываться продавать мне хлеб. Я должен был предвидеть. Они так живут. Они живут гораздо хуже, чем я, и черт его знает, что я должен сделать, чтобы мне это простили. Пожертвовать, может, крупную сумму на церковь?... Рассмеялся, затормозив на гальке. Начнем с того, что у меня нет крупной суммы. Этим же и закончим.

Что же касается странных емейлов и блуждающих огней...

Полный бред. Нашел себе пищу для размышлений. А между тем работа стоит, в программе явно имеет место просчет, пошевелить мозгами в данном направлении никто не удосужился. Да и обеденный перерыв длится второй час, так и не добравшись собственно до обеда. Пора.

Не хотелось. Олег даже удивился: впервые за всю новую жизнь настолько мучительно не хотелось возвращаться, варить кофе, садиться за машину, будить ее движением мыши. Когда-то раньше – да, случалось, но тому всегда были какие-то посторонние причины, связанные с далеко не идеальным устройством тогдашней жизни. С ее накладками и несуразностями, с непредсказуемостью начальства, капризами жены, куда более глобальными капризами второй жены, Женькиным перманентно переходным возрастом, и снова накладками, нелогичностями, хаосом и распадом...

Напрашивается очевидный вывод?

А даже если и так. Да, сегодня меня крепко выбили из колеи. Но я свободен, а свобода предполагает вариативность. Четыре с лишним часа послеобеденной работы спокойно можно перенести на вечер. В крайнем случае даже на ночь: ночью всегда хорошо работается, легче отыскивают кратчайший путь к цели правильные мысли и точные решения. Правда, после сорока я запретил себе не спать по ночам. Но запреты, идущие изнутри, тем и хороши, что их в любой момент можно снять. Временно. Пока не наладится снова оптимальная жизнь.

С моря дуло влажным студеным ветром. Ульфа исследовала побережье, иногда подбираясь настолько близко к воде, что получала по носу ледяными брызгами. Отскакивала, встряхивалась, снова опускала нос к самой гальке. Странно вообще-то, подумал Олег. Никогда раньше не видел, чтобы Йона отпускал ее гулять одну.

А жизнь наладится. Она уже налаживается, распыленные было элементы стягиваются, сползаются, словно шарики ртути или брызги воды на стекле. Те же хулиганы, которым удалось вывести меня из равновесия, порезав машину, одновременно освободили мне для работы вечер. А хлеб из поселковой лавки, поначалу показавшийся почти несъедобным, обладал интересным послевкусием, чем-то сродни темному из «Колеса». Олег отломил еще кусок. Пережевывая, направился вдоль линии прибоя – в противоположную сторону от предполагаемого, до сих пор невидимого дома.

– Ульфа!

Олег обернулся.

Как будто услышал свое имя, усмехнулся секунду спустя.

– Ульфа, брось!!!

Йона бежал со всех ног, спотыкаясь на гальке. С другого конца пляжа; и как он там очутился? Шли ведь по одной и той же дороге.

Тем временем собака, услышав зов хозяина, не двинулась с места, а наоборот, опустилась на передние лапы и прижала уши, охраняя добычу. Йона приближался, не переставая кричать; Ульфа тяжело поднялась с гальки, подхватила находку зубами и затрусила прочь. Ко мне, удивленно отметил Олег.

Собака подбежала вплотную и положила под ноги что-то, чего он старался и никак не мог разглядеть у нее в пасти. Теперь рассмотрел. Отпрянул. Потом склонился поближе, присел на корточки, мало ли, мог и ошибиться...

Это была рука. Кисть руки.

Женская кисть по запястье, без признаков крови и тления, тонкая и белая, с длинными точеными пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.